

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Вакцинная дипломатия как инструмент мягкой силы

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.и.н

должность, ученая степень

С.В. Мажинский

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

Е.А. Петецкая

инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. «Вакцинная дипломатия» как инструмент «мягкой силы»: теоретические основы феномена.....	6
1.1. Содержание концепции «мягкой силы» в международных отношениях, ее особенности и компоненты.....	6
1.2. Сущность и характерные черты «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы».....	14
2. Практический аспект использования «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы».....	25
2.1. Исторический опыт реализации «вакцинной дипломатии» во внешней политике ведущих государств мира.....	25
2.2. Применение «вакцинной дипломатии» в рамках международных отношений в период пандемии COVID-19.....	34
Заключение.....	45
Список использованных источников.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Изучая направления внешней политики ведущих государств мира, нельзя не отметить укрепляющиеся тенденции к переходу от силовых средств и методов реализации внешнеполитических задач к более частому использованию инструментов, так называемой, «мягкой силы», которые позволяют ненасильственно добиваться выполнения целей государства на международной арене. На современном этапе развития международных отношений (МО) набор таких инструментов, предоставляющих чрезвычайно широкие возможности влиять на позиции других акторов, значительно расширился.

Так, пандемия COVID-19 привела к возрождению актуальности использования такого инструмента «мягкой силы», как «вакцинная дипломатия», в связи с глобальными изменениями, происходящими в современной системе международных отношений. В нынешних реалиях этот вид дипломатии наряду с другими средствами опосредованного влияния позволяет акторам добиваться реализации многих внешнеполитических целей: от расширения дипломатического сотрудничества до утверждения своей ведущей роли в мире.

Стоит отметить, что актуализация данного феномена в значительной степени определяет многие тенденции в развитии современных международных отношений, ведь важнейшее место в борьбе с пандемией будет занимать именно «вакцинная дипломатия», позволяющая укрепить коллективные усилия в решении этой глобальной проблемы.

В связи с этим именно сейчас «дипломатия вакцин» становится ключевым направлением внешней политики многих государств мира, позволяющим активизировать международное сотрудничество в области здравоохранения. Кроме того, данный инструмент «мягкой силы» в период пандемии становится одним из главных способов борьбы за влияние на мировой арене.

Поэтому в данной работе мне бы хотелось подробнее рассмотреть содержание и особенности «вакцинной дипломатии» как средства «мягкой силы», а также проанализировать результаты применения соответствующих средств опосредованного влияния в период пандемии COVID-19.

Объектом исследования является концепция «мягкой силы» в мировой политике. **Предметом** исследования является «вакцинная дипломатия» как инструмент «мягкой силы» во внешней политике ведущих государств мира.

Цель работы – выявление особенностей «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы». На основе цели можно выделить следующие **задачи**:

1) проанализировать содержание концепции «мягкой силы» как средства реализации внешней политики государства, выявить ее особенности и компоненты;

2) рассмотреть сущность и характерные черты «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы»;

3) определить основные тенденции развития «вакцинной дипломатии» и их влияние на международные отношения;

4) проанализировать исторический аспект реализации «вакцинной дипломатии» и ее роль во внешней политике ведущих государств мира;

5) рассмотреть опыт использования «вакцинной дипломатии» в рамках МО в период пандемии COVID-19 и выявить его результаты.

Научная разработанность. Различные аспекты теоретической основы концепции «мягкой силы» в международных отношениях нашли отражение в публикациях как зарубежных, так и отечественных авторов. Наибольший интерес представляют работы Дж. Ная, как основателя рассматриваемой концепции, а также исследования его последователей: Д. Галларотти и А. Вувинга. Многие отечественные авторы, включая О.В. Красину, О.Ф. Русакову, О.Г. Леонову, Д.С. Куприна, Г.Ю. Филимонова также рассматривали важнейшие элементы и особенности «мягкой силы» в рамках современных МО. При написании работы также помогли исследования П.Д. Хотеза, М.

Абдуазимова, К.В. Масловой, подробно описавших механизм действия и тенденции развития «вакцинной дипломатии». Особую значимость в исследовании практического аспекта использования этого инструмента «мягкой силы» имеют статьи из зарубежных научных журналов. Особо стоит выделить работы таких авторов, как Сеу Тин Ли и Судип Бхаттачарья, предоставившие глубокий анализ как исторического опыта реализации «вакцинной дипломатии», так и современные проявления такой политики некоторыми участниками МО.

В то же время, как в зарубежной, так и в отечественной литературе почти нет работ, посвященных изучению роли «вакцинной дипломатии» во внешней политике ведущих государств мира, а также оценке результатов применения соответствующих средств опосредованного влияния в период пандемии COVID-19. В соответствии с этим, можно прийти к выводу, что исследуемая тема до сих пор изучена недостаточно полно и требует дальнейшего рассмотрения и анализа.

Теоретической базой исследования являются научные труды зарубежных и отечественных ученых-политологов, геополитиков и исследователей МО, посвященные анализу сущности и особенностей такого инструмента «мягкой силы», как «вакцинная дипломатия». Важной основой для написания работы стали материалы новостных источников об основных внешнеполитических шагах ведущих государств мира в области здравоохранения и медицины.

В методологическую основу исследования входят как общенаучные методы: индукция, дедукция, анализ, синтез и сравнение, так и специальные методы: ивент-анализ, контент-анализ, сравнительно-исторический, а также системный подход.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников.

1. «Вакцинная дипломатия» как инструмент «мягкой силы»: теоретические основы феномена

1.1. Содержание концепции «мягкой силы» в международных отношениях, ее особенности и компоненты

Начать стоит с того, что в политической науке о международных отношениях понятие «силы» является базовым элементом исследования множества парадигм, теорий и концепций. Многие политологи и эксперты в области МО представляют силу в контексте способности того или иного государства использовать свои ресурсы (военные, экономические, политические) в целях воздействия на поведение контрагентов в выгодном для себя русле [52, с. 27]. Можно сказать, что сила является основным средством влияния на международной арене и позволяет, таким образом, реализовывать многие внешнеполитические цели актора.

Тем не менее, ясно, что такое воздействие на политику других государств может осуществляться различными способами, в связи с чем, целесообразно говорить о некоторых формах использования силы. Так, в современной системе МО существуют два противоположных феномена: «жесткая сила» («hard power») и «мягкая сила» («soft power»).

Согласно представлениям исследователей, «жесткая сила» представляет собой некую форму власти, опирающуюся на принуждение для реализации собственных внешнеполитических стратегий [6, с. 63]. Для данного феномена характерно жесткое навязывание своей воли, из-за которого объект влияния вынужден изменять свои позиции под давлением извне. Стоит отметить, что данная концепция лежит в основе теории политического реализма, где реализация национальных интересов происходит именно за счет наращивания военной мощи государства. В качестве примеров использования средств «hard power» может служить применение военной силы, введение различных форм торгово-экономических, дипломатических санкций или же «дипломатия

принуждения», где в ходе переговорного процесса в качестве рычага воздействия на оппонента применяются угрозы и давление [1, с. 133]. Используя весь спектр этих инструментов, государство имеет возможность принудить объект воздействия к определенным внешнеполитическим шагам, выгодным для инициатора такой политики.

Тем не менее, в связи с глобальными изменениями, происходящими в современной системе международных отношений, такой фактор мощи государства, как военная сила, теряет свое былое значение. Методы реализации внешнеполитических интересов, характерные для концепции «жесткой силы», используются на данном этапе развития МО в разы реже, чем раньше. Это, прежде всего, связано с растущими тенденциями к гуманизации и демилитаризации в рамках современных МО, ослаблением международной конфронтации, активизацией процессов глобализации и взаимозависимости государств. Кроме того, в международных отношениях более важную роль стали играть другие структурные элементы силы: финансы, знания, производство [53, с. 23]. А вследствие того, что государство на данный момент не обладает монополией над внешними связями, именно негосударственные субъекты, чья роль на международной арене быстро растет, куда в большей мере развивают культурные, научные, образовательные связи и контакты.

Таким образом, возможности применения «жесткой силы» в современном мире существенно сокращаются, что приводит к все большему утверждению тенденции в пользу использования международными акторами средств «soft power» для реализации своих внешнеполитических целей.

Основателем концепции «мягкой силы» является американский политолог, приверженец теории неолиберализма в области МО, Джозеф Най. Он впервые сформулировал этот термин и дал ему стройное определение в 1990 году. Так, согласно Наю, «soft power» – это «способность привлекать других акторов на свою сторону, заставляя их хотеть того же» в сфере внешней политики [44, с. 166]. По его мнению, это можно осуществить ненасильственно, конструируя ситуацию таким образом, чтобы другие

участники международных отношений формировали свои внешнеполитические интересы в выгодном для субъекта воздействия русле. Так, привлечь оппонента на свою сторону в сфере международных отношений можно путем демонстрации культурных идеалов, привлекательности внутривластного устройства, эффективной внешней политики [46, с. 11]. Стоит отметить, что возможности применения концепции «мягкой силы» в мировой политике достаточно широкие, ведь использование соответствующих несиловых методов в контексте теорий МО возможно в рамках либерализма, неолиберализма, функционализма, теории комплексной взаимозависимости.

Основопологающей целью реализации стратегии «soft power» является воздействие на позиции политической или экономической элиты определенного государства, так как именно эти силы участвуют в принятии важнейших внешнеполитических решений. Результатом применения таких несиловых средств и методов служит формирование благожелательного международного окружения для субъекта воздействия.

Тем не менее, стоит отметить, что концепция «мягкой силы» возникла как результат более ранних теоретических наработок исследователей, в рамках которых особое значение придается именно нематериальным источникам власти. Идеи несилового влияния и отказа от давления и принуждения в МО формировалась в рамках философских учений Древнего Китая и Греции. Мыслители Средневековья и Нового времени также в своих трудах активно развивали данную концепцию [5]. Так, многие исследователи того времени настаивали на том, что военная мощь не может привести государство к процветанию, в отличие от культуры и ценностей государства, которые эффективно могут быть использованы для установления глобального лидерства [19, с. 7].

Таким образом, американский политолог Дж. Най обобщил эти отдельные представления, сформировав универсальную концепцию, которая сейчас так активно используется для описания политики государств на уровне международных отношений.

В связи с ростом влияния невоенных инструментов во внешней политике акторов, к рассматриваемому феномену начинает приковываться все более пристальное внимание со стороны политологов и экспертов в области МО со всего мира. Так, глубоким изучением этой формы политической власти занимались такие исследователи, как Д. Галларотти, А. Вувинг, К. Грей, Дж. Маттерн, К. Лейн, Н. Фергюсон, которые существенно дополнили теорию Ная.

В рамках анализа содержания концепции «мягкой силы», важно также выделить основные цели применения соответствующих средств и методов. Среди задач такой политики эксперты отмечают эффективное обеспечение безопасности государства, гарантирование поддержки собственной повестки дня на международной арене, достижение статуса регионального или глобального лидера, привлечение новых внешнеэкономических партнеров, расширение рынков сбыта, привлечение инвестиций и т.д. Инструменты «мягкой силы» могут служить и эффективным методом реализации внутриполитических целей, например, для увеличения поддержки руководства страны и обеспечения единства внутри государства [50, с. 28].

Важным этапом в целостном формировании теории «мягкой силы» является определение источников и инструментов «soft power». Ресурсы «мягкой силы» представляют собой нематериальные факторы, которые могут быть привлекательны для других стран. Инструментами же служат средства воздействия в мировой политике, которые используются акторами для распространения своего позитивного образа. Стоит отметить, что это довольно условное разделение, так как источники «мягкой силы» могут одновременно выступать и инструментами создания благоприятного образа.

Большинство исследователей при описании ресурсов «мягкой силы» государства включают в них как внутренний, так и внешний элемент.

Внешние факторы (источники):

- положение и авторитет на международной арене, эффективная внешняя политика государства;
- способность к установлению глобальной повестки дня;

- соблюдение норм и принципов международного права;
- отказ от односторонности в МО, учет интересов других государств при реализации внешней политики;

- приверженность либеральным принципам в торгово-экономических отношениях и др. [7, с. 29; 14, с. 34; 16, с. 28; 33, с. 23].

Внутренние факторы (источники):

- внутренняя политика (развитие правового государства, укрепление демократии, формирование гражданского общества, государственной идеологии);

- культура (литература, музыка, кинематограф, изобразительное искусство, театр, мода и т.д.);

- менталитет, национальные идеи;

- экономика (ее эффективность и стабильность, инвестиционная и финансовая привлекательность государства);

- уровень жизни населения, развитие социальной поддержки граждан;

- распространённость языка страны в мире;

- привлекательность и престиж образовательной системы, качество образования в государстве;

- экология (эффективная политика государства по сохранению окружающей природной среды);

- спорт (развитие любительского и профессионального спорта в стране);

- развитие научно-технического потенциала;

- туристическая привлекательность;

- развитая медицина, устойчивая система здравоохранения и многое другое [16, с. 28-29; 7, с. 29; 11, с. 36; 14, с. 34; 8, с. 345].

В данном контексте важно подчеркнуть, что в ходе формирования «мягкой силы» государства, внутренние ресурсы могут в значительной степени

влиять на внешние. Так, экспорт культуры, науки, образования повышают международный имидж страны.

Что касается инструментов «мягкой силы», с помощью которых государство может ненасильственно распространять свое влияние и сформировать благоприятный образ для привлечения контрагентов, то можно выделить следующие из них:

- публичная дипломатия;
- политический пиар;
- проведение международных спортивных мероприятий;
- культурные и образовательные обмены;
- поддержка проектов развития туризма;
- международная экономическая и гуманитарная помощь;
- деятельность СМИ по предоставлению информации о государстве международной аудитории;
- продвижение на зарубежные рынки определенных национальных товаров;
- «медицинская дипломатия» (в т.ч. ее форма – «вакцинная дипломатия») и др. [7, с. 30; 57, с. 14; 15; 18, с. 59; 9].

Стоит отметить, что не существует единой универсальной концепции «soft power», успешно применимой во внешней политике всех стран без исключения. Каждое государство обладает только ему присущими уникальными атрибутами «мягкой силы», а эффект от их использования зависит не только от самого набора таких ресурсов, но и от целевой аудитории, внешнеполитических задач государства на международной арене.

Тем не менее, используя инструменты «мягкой силы», актор имеет возможность ненасильственно добиться желаемого результата и привлечь на свою сторону других игроков, а также скорректировать их поведение на мировой арене в выгодном для себя русле. В отличие от инструментов «hard power», которые основываются на принуждении и навязывании своей воли

другим участникам МО, «soft power» включает более широкий круг механизмов и внешнеполитических акций, что позволяет вовлечь объект в сотрудничество всеобъемлющего характера. Итогом такого влияния может стать готовность со стороны объекта следовать желаниям актора, использующего инструменты той самой «мягкой силы» [46, с. 5]. Важной отличительной чертой исследуемого феномена является добровольность участия объекта, который воспринимает установки актора как результат своего собственного выбора. Вот почему политика «мягкой силы» становится одним из ключевых направлений внешней политики многих государств мира.

В контексте исследования данной концепции важно также проанализировать некоторые ее особенности.

Во-первых, само влияние инструментов «мягкой силы» может быть трудно определяемым, так как межгосударственные отношения представляют собой чрезвычайно сложную систему, на которую влияют множество факторов прямого и косвенного воздействия [12, с. 100]. Таким образом, итоги применения средств и методов мягкой силы могут быть весьма непредсказуемыми в связи с их «рассеянным влиянием» на внешний мир.

Во-вторых, «мягкая сила» направлена на постепенное вовлечение объекта в зону своего влияния. Естественно, формирование бренда страны – это весьма долгий процесс, который при этом невозможно жёстко проконтролировать. Таким образом, можно сказать, что специфика «мягкой силы» состоит в том, что она ориентирована на долгосрочную перспективу, и результаты такой политики могут проявиться только через длительное время. Однако, в случае успешного применения таких инструментов, эффект носит долгосрочный характер [17, с. 50].

В-третьих, «мягкое» влияние осуществляется опосредованно, что предполагает отсутствие необходимости нахождения в стране – инициаторе политики. С этим связан и факт того, что в большей мере проводниками «soft power» являются различные негосударственные акторы, как то: транснациональные корпорации, научные центры, СМИ, религиозные и

общественные объединения. Эти субъекты обладают более широким спектром возможностей использования соответствующих средств и методов на международной арене, что делает их эффективными проводниками «мягкой силы» того или иного государства [45, с. 83]

В-четвертых, существуют определенные «цивилизационные барьеры» «мягкой силы». Можно сказать, что положительный результат использования инструментов «soft power» может быть достигнут только при учете национальной специфики объекта воздействия, его особенностей политического, культурного устройства. Кроме того, эффект в значительной степени зависит и от готовности аудитории воспринять предлагаемые ей культуру и ценности [47].

В-пятых, ресурсы и инструменты «мягкой силы» доступны даже тем странам, которые не располагают традиционными средствами влияния, такими как, ядерное оружие. Это позволяет им на равной основе участвовать в управлении международными процессами, распространять свои ценности и идеи во всем мире. Стоит отметить, что этот подход особенно активизируется в связи с развитием информационных технологий.

В-шестых, разделение «жесткой» и «мягкой силы» является весьма условным. Так, во многих случаях ресурсы «hard power», могут выступать в качестве источников «soft power». В зависимости от целей субъекта и контекста применения, эти технологии могут иметь конструктивную и деструктивную направленность. Например, престиж страны может повышать хорошо организованная армия (традиционный ресурс «жесткой силы» государства) [43].

Таким образом, в рамках современной системы международных отношений такой фактор мощи государства, как военная сила, теряет свое былое значение, что приводит к все большему утверждению тенденции в пользу использования международными акторами средств «мягкой силы» для реализации своих внешнеполитических целей. При анализе особенностей и компонентов данной концепции, можно сделать вывод о том, что источники и

инструменты «мягкой силы» предоставляют чрезвычайно широкие возможности влиять на позиции других акторов, привлекая их на свою сторону путем демонстрации культурных идеалов, внутривполитического устройства, эффективной внешней политики и экономики, развития научно-технического потенциала и т.д. Вот почему «мягкая сила» на современном этапе развития международных отношений становится одним из главных способов борьбы за влияние на мировой арене.

1.2. Сущность и характерные черты «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы»

Пандемия COVID-19 привела к появлению новых или возрождению давно забытых терминов в области международных отношений в связи со стремительно меняющейся ситуацией в мире. Так, в работах многих авторов начал часто упоминаться такой феномен, как «вакцинная дипломатия». Проблематика этого инструмента опосредованного влияния во внешней политике уже на протяжении многих месяцев обсуждается как отечественными, так и зарубежными политологами и исследователями.

«Вакцинную дипломатию» можно определить как комплекс дипломатических мер, предпринимаемых актором для обеспечения доступа контрагентов к передовому опыту разработки потенциальных вакцин, активизации сотрудничества между странами в проведении совместных научно-исследовательских работ, а также предоставление контрактов на закупку и передачу в дар доз произведенной вакцины [20, с. 57-58].

Эксперты в области МО отмечают, что такая помощь непосредственно связана с реализацией «мягкой силы», так как этот инструмент оказывает не прямое воздействие на политику других государств на международной арене в выгодном для инициатора русле. Этот вид дипломатии наряду с другими средствами опосредованного влияния используется актором для распространения своего позитивного образа за рубежом, повышения

международного имиджа, установления дружественных связей с другими участниками МО. Долгосрочным последствием такой политики может стать изменение позиций других государств в благоприятном для субъекта ключе, что обеспечивает реализацию им собственных внешнеполитических целей.

Как пишет Н.Т. Мураталиева, в современном мире «вакцинная дипломатия» становится важнейшим геополитическим оружием в битве за глобальное влияние [10].

Таким образом, значение «вакцинной дипломатии» заключается в широких возможностях использования вакцин в глобальной политике, как для расширения дипломатических связей, так и укрепления своего влияния в мире. Кроме того, такое международное сотрудничество способно обеспечить глобальный и справедливый доступ к вакцинам для всех стран мира. В эпоху глобализации это представляется особенно важным в борьбе с различными инфекционными заболеваниями.

В широком смысле «вакцинная дипломатия» считается формой «медицинской дипломатии» (или частью «дипломатии здравоохранения»). Этот термин был введен в лексикон политологов в 1978 году Питером Борном, специальным помощником президента по вопросам здравоохранения в администрации Картера. Борн утверждал, что предоставление международной медицинской помощи, включая лекарственные средства, медицинское оборудование может играть важную роль как средство укрепления международных связей и налаживания внешнеполитического диалога [25, с. 121]. «Медицинская дипломатия» охватывает и направление медицинского персонала в пострадавшие регионы, совместные научные исследования в области здравоохранения, а также трансляцию высокого уровня научно-технического развития страны в этой сфере. Таким образом, «дипломатия здравоохранения» включает как «вакцинную дипломатию», так и «дипломатию масок» и научную дипломатию в сфере медицины.

В настоящее время видным исследователем «вакцинной дипломатии» в МО является американский ученый в области медицины Питер Дж. Хотез [37].

Данный инструмент «мягкой силы» он рассматривает в качестве основного элемента «глобальной дипломатии здравоохранения», опирающегося, прежде всего, на поставки вакцин для государств-партнёров. Ученый отмечает, что такое сотрудничество важно как для предотвращения инфекционных заболеваний, так и в качестве «моста к миру» между народами. Кроме того, исследователь настаивает на том, что «вакцинная дипломатия» – не новое явление, а средство реализации внешней политики, использующееся уже более 200 лет как инструмент «мягкой силы» для установления дружественных связей между государствами. Актуальность реализации акторами такой политики, по Хотезу, связана с тем, что количество вспышек различных инфекционных заболеваний в последние годы значительно увеличилось. Решением этой глобальной проблемы может служить именно широкое распространение практик «вакцинной дипломатии». Для этого, по мнению Хотеза, нужно мобилизовать силы всех участников МО для эффективного сотрудничества на международной арене в этом направлении. Только совместно работая в рамках «дипломатии вакцин» можно было бы предотвратить пандемии и повысить возможности для укрепления международного мира и безопасности.

Таким образом, «вакцинная дипломатия» представляется достаточно эффективной практикой, которая объединяет различных международных акторов для решения глобальных проблем, связанных со здравоохранением. Такое взаимодействие в медицинской сфере реализуется через официальную и неформальную дипломатию, двустороннее и многостороннее сотрудничество. Итогом установления таких контактов может служить решение о кооперации научных кругов различных стран в разработке и тестировании необходимых препаратов или же заключение различных договоров и соглашений о поставках вакцин, в том числе на безвозмездной основе.

Эти элементы составляют и определяют современную «дипломатию вакцин», актуализируя этот важный механизм международного сотрудничества в эпоху глобальной нестабильности. Сейчас «вакцинная дипломатия»

выступает в качестве основного канала сотрудничества, с помощью которого державы стремятся сформировать благоприятные международные условия для продвижения своих национальных интересов.

Проводниками «вакцинной дипломатии» могут быть не только отдельные государства, но и международные правительственные и неправительственные организации, общественные фонды и объединения, научные центры. Соответственно, данный инструмент «мягкой силы» включает в себя работу ВОЗ, ЮНИСЕФ, Международного комитета Красного Креста, «Врачей без границ», Глобального альянса по вакцинам и иммунизации (GAVI), Коалиции за инновации в области обеспечения готовности к эпидемиям (CEPI), Международного института вакцин (IVI), Фонда Билла и Мелинды Гейтс и других специализированных учреждений [35, с. 1]. Кроме того, вопросы вакцинации и здравоохранения часто рассматриваются на встречах на высшем уровне в рамках ООН, «Группы семи» (G8) и «Группы двадцати» (G20), Европейского союза, Организации исламского сотрудничества, БРИКС и др.

Хотелось бы отметить, что в период распространения COVID-19 вопрос использования «вакцинной дипломатии» для укрепления своего статуса на международной арене получил особую актуальность. Причинами популяризации этого инструмента «мягкой силы» являются тяжелые последствия нынешней пандемии для всех участников МО, неравномерное производство и распределение вакцин между странами, а также рост конкуренции за глобальное влияние в меняющемся мире [2].

В связи с этим именно сейчас «вакцинная дипломатия» становится важнейшим направлением международного взаимодействия и сотрудничества. Так, многие государства начали встраивать этот элемент в свои внешнеполитические стратегии в силу возрастания влияния «дипломатии вакцин» на мировую общественность, так как вакцинация является единственным методом борьбы с вирусом и способом спасения жизней людей. Именно поэтому государство, предоставляющее своим партнерам вакцину,

медикаменты и другую помощь в период пандемии, становится гораздо более важным партнером, чем другие.

Эксперты подчеркивают, что до пандемии государства в основном использовали такие инструменты «мягкой силы», как культурные и образовательные обмены, тогда как в нынешних реалиях именно различные формы «медицинской дипломатии» позволяют многим странам добиваться реализации внешнеполитических целей на международной арене ввиду значительного воздействия на общественность в кризисный период [3, с. 202].

Кроме того, особую значимость «вакцинной дипломатии» в современный период придает беспрецедентно высокая скорость передачи заболевания, что определяет чрезвычайно сжатые сроки разработки и распространения вакцин. Именно поэтому успешная политика в этой области является свидетельством эффективности национальной системы здравоохранения, высокого уровня научно-технического развития страны, значительно повышая международный имидж государства, что является ярким свидетельством использования «мягкой силы». Таким образом, «вакцинная дипломатия» предоставляет дополнительные возможности сформировать положительный имидж в области борьбы с пандемией, если таковая была реализована успешно. Вот почему многие акторы на современном этапе развития МО стремятся использовать данные рычаги для распространения своего позитивного образа за рубежом.

Кроме того, из-за усиления глобализационных процессов, все государства должны решать мировые проблемы сообща, так как мир в новую эпоху становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым. Соответственно, политические, социальные, экономические последствия пандемии выходят далеко за рамки национальных границ и требуют кооперации на международном уровне. Вот почему важным аспектом «вакцинной дипломатии» современного периода служит сотрудничество в проведении совместных научно-исследовательских работ в области разработки вакцин и лекарств против новых вирусов и их последующее глобальное распространение [40, с. 384].

В связи с актуализацией данных факторов, «вакцинная дипломатия» является важным аспектом глобальной «дипломатии здравоохранения», которая основывается на обеспечении равного доступа к вакцинам для всех стран мира.

Стоит отметить, что современный период развития «вакцинной дипломатии» принес не только положительные сдвиги в направлении активизации сотрудничества между различными государствами в сфере медицины. Рассматриваемое явление в нынешнем формате имеет некоторые элементы противоборства. В чем же выражаются современные тенденции развития «дипломатии вакцин»?

Во-первых, в подходе к разработке и производству вакцины против COVID-19 наблюдается как международное сотрудничество и солидарность в попытке решения проблемы, так и «вакцинный национализм» и конкуренция. Не смотря на то, что экспертами отмечается общность действий и подходов по борьбе с вирусом в рамках международных отношений, на современном этапе многие страны стремятся в первую очередь удовлетворить собственные потребности в препаратах от коронавируса [13]. Это приводит к неравномерному распределению производства и распространению вакцин в мире. Стоит отметить, что сейчас для всех стало ясно, что этот подход в конечном итоге приведет к продлению пандемии в силу растущей глобальной взаимозависимости государств. В связи с этим, однозначно можно сказать, что «дипломатия вакцин» может стать весьма действенным методом борьбы с пандемией, предоставляя широкие возможности для сотрудничества и кооперации на международном уровне для эффективного решения этой глобальной проблемы. Кроме того, «вакцинная дипломатия» может помочь найти тот важный баланс для многих государств между внутренними кампаниями вакцинации и активным продвижением своих вакцин за рубежом с целью укрепления своего статуса на международной арене.

Многие государства, осознавая это, стремятся активизировать глобальное сотрудничество в этой области, как на двусторонней, так и на многосторонней

основе. Так, для снижения риска «вакцинного национализма» в период распространения COVID-19 многими правительственными и неправительственными организациями были приняты специальные программы и стратегии сотрудничества, нацеленные не только на ускорение разработки и производства вакцин против коронавируса, но и на обеспечение справедливого распределения препаратов для нуждающихся стран. Крупнейшими проектами в данной области считаются «Access to COVID-19 Tools Accelerator» (ACT-A) и «COVID-19 Vaccines Global Access» (COVAX), реализуемыми при партнерстве ВОЗ, CEPI, GAVI и ЮНИСЕФ. Не смотря на такие активные международные усилия для обеспечения равного доступа к вакцинам против COVID-19, уже на ранних этапах реализации данных кампаний мы видим, что они не справляются со своими задачами в силу недостаточности финансирования и низких темпов предоставления помощи в связи со сложностями привлечения крупных стран-производителей препаратов [10]. Таким образом, «дипломатия вакцин» требует как справедливого распределения запасов вакцин, так и повышения эффективности программ международного сотрудничества и помощи.

Во-вторых, в то же время на данном этапе развития международных отношений наблюдается рост соперничества между мировыми державами за использование рычагов «мягкой силы» в области здравоохранения. Гонка за тем, чтобы первыми разработать вакцину против COVID-19, а затем распространять ее по всему миру отмечается многими политологами и экспертами в области МО. Так, в отношении многих государств Африки, Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америки присутствует активизация «вакцинной дипломатии» со стороны более развитых государств с целью усилить свое влияние на страны регионов. Это может усугубить разногласия между конкурирующими державами и разделить мир на своего рода сферы влияния [26].

В-третьих, «вакцинная дипломатия» находит выражение и в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других государств-экспортеров вакцин [9, с. 533]. Многие конкурирующие державы

стремятся подорвать доверие потребителей к эффективности препаратов, произведенных оппонентами, распространяя недостоверную информацию. Так, государства-члены ЕС не раз высказывали сомнения в безопасности вакцин российского и китайского производства, сравнивая, например, использование отечественной вакцины «Спутник V» «с игрой в русскую рулетку» [31]. Подобную политику по отношению к западным вакцинам проводят и государственные СМИ Китая и России, продвигая местные вакцины как лучшую альтернативу. В итоге борьба с пандемией превращается в игру компроматов, информационных вбросов и атак. Это может не только обострить ситуацию на международной арене, но и иметь разрушительные последствия для всеобщей системы общественного здравоохранения, подрывая доверие потребителей и подпитывая движение «антиваксеров».

В-четвертых, активная реализация «вакцинной дипломатии» осложняется вопросом международного взаимного признания эффективности вакцин и сертификатов о вакцинации [28]. Так, несмотря на достигнутый прогресс, большинство европейских стран не готово сотрудничать с РФ в вопросе поставок отечественного препарата, поскольку «Спутник V» не был одобрен Европейским агентством по лекарственным средствам. Стоит отметить, что многие политологи придерживаются позиции, согласно которой, процесс признания осознанно затягивается в силу политических противоречий России с ЕС.

В-пятых, «вакцинная дипломатия» дает возможность недобросовестным государствам-экспортерам препаратов оказывать давление на страны-получатели под предлогом отказа в поставках [4]. В таком случае эта форма «медицинской дипломатии» уже не может рассматриваться как средство «мягкой силы», так как в качестве рычага влияния используется принуждение для реализации собственных внешнеполитических целей, в результате чего, объект влияния вынужден изменять свои позиции под давлением извне.

В-шестых, современный этап реализации «вакцинной дипломатии» непосредственно связан с коммерциализацией рынка вакцин, так как этот

бизнес приносит огромные доходы компаниям-производителям. Это приводит к тому, что современная «вакцинная дипломатия» определяется не только внешнеполитическими целями государств, но и коммерческими интересами крупнейших фармацевтических компаний, которые сейчас становятся важнейшими проводниками «мягкой силы» через экспорт препаратов. Так, несмотря на нехватку вакцин в развивающихся странах, многие производители отказываются открывать дополнительные производства за рубежом и передавать свои технологии, считающиеся интеллектуальной собственностью. Кроме того, некоторые компании даже в период пандемии предоставляют свои вакцины исключительно на коммерческой основе. Это осложняет борьбу с коронавирусом во всем мире и усугубляет неравенство в отношении доступа к вакцинам [9, с. 533-534].

В-седьмых, ключевыми барьерами на пути к глобальному сотрудничеству в рамках «вакцинной дипломатии» являются: дефицит сырья для производства препаратов, торговые барьеры и ограничения, низкие производственные мощности. Все это ограничивает возможности для преодоления нынешней пандемии и реагирования на будущие риски распространения новых болезней. Поэтому для продвижения «вакцинной дипломатии» необходимо на многосторонней основе работать над увеличением инвестиций в производство сырья, устранением торговых ограничений и расширением глобальных производственных мощностей по всему миру [38, с. 6].

Таким образом, современные факторы развития «вакцинной дипломатии» содержат как позитивный аспект активизации сотрудничества и кооперации в борьбе с пандемией, так и «вакцинный национализм» и усиление соперничества за возможность «мягкого» влияния посредством предоставления своих препаратов международным партнёрам. Кроме того, на фоне низкого уровня доступа к вакцинам в развивающихся странах по сравнению с развитыми, новый вызов углубил разрыв между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Эти аспекты развития МО будут воздействовать на развитие двусторонних и многосторонних связей между государствами, на

обеспечение безопасности и стабильности во многих регионах мира, а также на увеличение количества новых рычагов влияния в рамках глобальной мировой системы. Эти факторы способствуют утверждению роли государства как наиболее значимого актора в мировой политике, ведь именно им в условиях глобального кризиса было необходимо в короткий срок принимать меры для прекращения распространения смертельного вируса. Кроме того, в связи с активизацией «вакцинной дипломатии», многие политологи заявляют о возможности осуществления экономического и политического передела мира вследствие появления новых мировых лидеров, эффективно применяющих этот инструмент опосредованного влияния в своей внешней политике [3, с. 201].

Важно отметить, что глобализационные процессы проявились в период данного кризиса особенно ярко. Молниеносное распространение смертельного заболевания подтолкнуло государства в различных регионах мира к сходным действиям по борьбе с пандемией, что показало универсальность протекающих социальных процессов, формирующих властно-общественных отношений. Кроме того, на данном этапе развития МО, несмотря на существующие глобальные разногласия, можно наблюдать укрепление единства мирового сообщества для борьбы с новым вызовом современности.

Необходимо подчеркнуть, что нынешняя пандемия создала новую шкалу угроз, угрожающую существованию всего человечества. Государствам пришлось по-новому выстраивать систему приоритетов для обеспечения безопасности населения. В глобальном же масштабе проявилось ослабление внимания мирового сообщества к другим глобальным проблемам современности, вытесняя на первый план борьбу с распространением вируса.

Можно сказать уже сейчас, что именно международное сотрудничество может помочь справиться с глобальной пандемией и преодолеть негативные последствия COVID-19 во всех уголках мира. Важнейшее место в этой деятельности будет занимать именно «вакцинная дипломатия», позволяющая укрепить коллективные усилия в решении этой глобальной проблемы. Такое сотрудничество по распределению вакцин может стать наиболее эффективным

способом остановить будущие эпидемии, укрепить международные экономические и гуманитарные связи, обеспечить стабильность во многих регионах мира.

2. Практический аспект использования «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы»

2.1. Исторический опыт реализации «вакцинной дипломатии» во внешней политике ведущих государств мира

Основоположником реализации «вакцинной дипломатии» можно считать британского врача Эдварда Дженнера (1749-1823), которым во второй половине XVIII века был предложен способ вакцинации против оспы, болезни, стремительно распространявшейся тогда по всему миру. Позже ученый смог использовать свое открытие в качестве некоего инструмента «мягкой силы» во время Наполеоновских войн. Это связано с тем, что его противооспенная вакцина широко использовалась не только в Англии, но и отправлялась через Ла-Манш во Францию. Поэтому, французский полководец прививал своих солдат вакциной, созданной британской стороной. Благодаря такой «вакцинной дипломатии», реализуемой Британской империей, Франция освободила часть английских военнопленных в период боевых действий. Таким образом, Дженнер стал своего рода неофициальным послом между воюющими сторонами, а также в некоторой степени смог реализовать внешнеполитические цели своего государства в этой войне [9, с. 533].

Проявлением «вакцинной дипломатии» Дженнера может служить и его активное содействие международному сотрудничеству в вопросах проведения вакцинации против оспы с представителями многих стран, включая Россию, Испанию, Турцию. Это обеспечило благосклонное отношение политической элиты этих государств к британскому правительству и проводимой им политике. Таким образом, Дженнер смог не только внедрить «вакцинную дипломатию» в качестве важнейшего инструмента внешней политики, но и эффективно использовать этот механизм для привлечения оппонентов на свою сторону.

Стоит отметить, что в то время «вакцинная дипломатия» применялась и для получения доступа к новым рынкам сбыта или ресурсам. Так, британские власти предоставляли коренным народам Северной Америки жизненно необходимые препараты в обмен на широкие возможности торговли в регионе. Противооспенная вакцина поставлялась и с целью доступа к новым охотничьим угодьям для британских звероловов [58, с. 177]. Такой серьезный вызов для общественного здравоохранения в регионе побуждал местные власти идти на уступки во многих политических и экономических вопросах, что является непосредственным результатом «дипломатии вакцин», реализуемой Британской империей.

Можно сказать, что глобальная вакцинация трансформировала дипломатические отношения во всем мире в виду обеспечения широких возможностей для спасения жизней людей. Никакая другая международная помощь не расценивалась так высоко, как предоставление необходимых препаратов во время эпидемий и вспышек инфекционных заболеваний. Это и определило дальнейший вектор применения тех или иных инструментов в рамках «вакцинной дипломатии» для реализации своих национальных интересов многими государствами мира.

Так, схожая политика по распространению вакцин стала проводиться и со стороны Испании и Франции, которые на территориях своих колоний осуществляли таким образом меры по сдерживанию начала войн за независимость, что позволяло на протяжении определенного периода времени обеспечивать безопасность на многих континентах мира. Колониальные державы, используя такой опосредованный инструмент воздействия, имели возможность продвигать собственные интересы даже в отдаленных регионах, где люди остро нуждались в определенных препаратах.

Активное многостороннее взаимодействие в сфере здравоохранения началось ближе к середине XIX века. Важным событием в этой области является проведение в 1851 году первой Международной санитарной конференции в целях предотвращения распространения холеры. Данные усилия

привели к последующей организации таких встреч, которые помогли не только стандартизировать международные карантинные правила, но и в дальнейшем создать Всемирную организацию здравоохранения, которая теперь является важнейшей площадкой для диалога в рамках глобальной «дипломатии вакцин» [35, с. 1]. Кроме того, международные усилия по борьбе с холерой отразились в создании Института гигиены и эпидемиологии, который стал важнейшим научным и практическим медицинским центром по борьбе с эпидемиями. Благодаря этой глобальной инициативе, международному сообществу удалось массово произвести и распространить созданные в лабораториях института вакцины в пострадавших районах [24, с. 2740].

Ярким примером использования «вакцинной дипломатии» в международных отношениях может служить и деятельность Франции по распространению вакцины против бешенства во второй половине XIX века. Создатель этого важнейшего препарата, выдающийся ученый Луи Пастер (1822-1895), таким образом помог расширить французское влияние на страны Северной Африки и Юго-Восточной Азии, которые сегодня имеют отношение к франкофонному миру. После создания вакцины Луи Пастера, французское правительство начало строить лаборатории на территориях своих колоний, чтобы распространить вакцину в массовом масштабе. Хотя легко списать эти усилия на корыстное имперское вмешательство, ученые, продвигавшие такие программы вакцинации, искренне верили, что данная деятельность поможет преодолеть национальные различия. Так, Пастер упоминая о важности вакцин, отмечал, что их полезность для человечества не должна ограничиваться одной страной, что также подтверждает необходимость применять этот инструмент «мягкой силы» государств в их внешней политике, в том числе и для спасения жизней людей по всему миру [35, с. 2].

Самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества стала «испанка» (или «испанский грипп»), начавшаяся в конце Первой мировой войны. Ее распространение было катастрофически быстрым, ведь после завершения военных действий, грипп проник практически во все уголки

планеты. При этом масштабы поражения были гораздо выше за счет отсутствия эффективной вакцины и специфических противовирусных препаратов. В связи с этим, на первое место вышли противоэпидемиологические мероприятия, включающие карантинные меры, дезинфекцию, личную гигиену, масочный режим, запрет на массовые мероприятия и закрытие общественных мест. Стоит отметить, что в тот период возобладали односторонние меры по борьбе с пандемией, не было создано никаких международных директив, карантинных режимов, глобальных исследовательских центров [34, с. 50]. Вымирание наиболее предрасположенных к «испанке» и проводимые санитарные меры привели к повсеместному затуханию эпидемии. Такой серьезный вызов для общественного здравоохранения показал необходимость проведения совместных исследований для создания вакцины против гриппа, которая была разработана к 1940-м годам. Кроме того, пандемия нанесла вред экономическим, политическим, социальным интересам каждого государства, что показало потребность в осуществлении совместных скоординированных действий для скорейшей ликвидации возникающих инфекционных заболеваний. Именно для этого в последующем была создана международная сеть эпиднадзора, включающая ряд национальных центров по всему миру для борьбы с различными типами гриппа.

Как неудивительно, но в период «Холодной войны» «мягкое» опосредованное влияние в области медицины использовалось государствами для реализации своих национальных интересов также достаточно часто. Так, антагонистические державы – СССР и США сотрудничали не только в создании вакцины против полиомиелита, но и в распространении этого препарата по всему миру [40, с. 383]. Так, в период с 1956 по 1959 американский ученый-медик Альберт Сабин несколько раз посещал СССР для сотрудничества с коллегами-вирусологами, включая доктора Михаила Чумакова, в разработке пероральной вакцины против полиомиелита и тестирования ее на советских гражданах. Благодаря массовой вакцинации, СССР стал первой страной, где смертельная инфекция была побеждена. Это

подтолкнуло два ведущих государства к активизации экспорта в пострадавшие регионы, что способствовало ликвидации вспышек полиомиелита во всем мире. Конечно, каждая держава преследовала собственные цели по укреплению связей со странами-получателями, усилению своего международного влияния, в том числе благодаря научным достижениям в этой сфере. Тем не менее, такое взаимодействие американских и советских вирусологов позволило в конечном итоге вакцинировать более 100 миллионов человек по всему миру. Эту кампанию даже называли «Блицкригом против полиомиелита», так как она продемонстрировала, что «вакцинная дипломатия» может сблизить даже враждебные державы, укрепить мир и безопасность [55, с. 156]. Эти двусторонние усилия вылились в продвижение глобального взаимодействия на многосторонней основе. Свидетельством тому может служить создание Института вакцин Сабина, являющегося некоммерческой организацией для глобальной разработки и обеспечения доступности вакцин по всему миру.

Подобный подход проявился и в период сотрудничества в распространении противооспенной вакцины. В тот период обе великие державы безвозмездно предоставляли препараты практически всем странам мира, что позволило избавить планету от этого смертельного заболевания [35, с. 2]. Эти шаги укрепили влияние каждого «полюса силы» в своих сферах влияния, что обеспечивало поддержку политического курса каждого государства, в чем и заключались тогда внешнеполитические цели «вакцинной дипломатии». Благодаря такой деятельности, Соединенные Штаты и Советский Союз стали лидерами в области глобального здравоохранения, спасая людей во всем мире от многих инфекционных заболеваний. Страны использовали «вакцинную дипломатию» для обеспечения благосклонного отношения и укрепления международного влияния. Однако не стоит забывать, что такое сотрудничество помогло создать современную международную основу для справедливого распределения вакцин, и глобального научного сотрудничества для реакции на последующие вызовы.

Такие двусторонние усилия дали толчок многим государствам мира в реализации собственных инициатив в сфере здравоохранения для распространения «мягкой силы». Ярким примером тому может служить создание турецкого научного и практического медицинского центра по борьбе с эпидемиями. Тогда в лабораториях Института гигиены имени Рефика Сайдама была произведена внушительная партия вакцины против холеры для последующей отправки в пострадавшие районы Ближнего Востока [24, с. 2740]. Успешная политика Турции в данной области непосредственно являлась свидетельством высокого уровня научно-технического развития страны, значительно повысив международный имидж государства, что является прямым свидетельством использования им «мягкой силы».

«Вакцинная дипломатия» активно использовалась и в качестве «гуманитарного инструмента» во время многих военных конфликтов для проведения переговоров между воюющими сторонами. Так, в рамках ВОЗ и Всеамериканской организации здравоохранения был реализован проект под названием «Здоровье как мост к миру», в рамках которого вакцины использовались для содействия примирению и сотрудничеству во время вооруженных конфликтов. Программа проводилась в районах Центральной Америки, Южной Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и т.д. [30]. Благодаря использованию такой формы «медицинской дипломатии», случаи заболеваний корью и столбняком резко сократились, а распространение полиомиелита практически прекратилось. Подобные инициативы не только помогали снизить напряженность конфликтов, но и способствовали проведению переговоров между воюющими сторонами с целью примирения. Кроме того, государства, участвующие в реализации проекта, смогли повысить свой международный имидж и распространить «мягкое влияние» на страны-получатели помощи.

В XXI веке, в эпоху глобализации, многополярности и увеличения числа акторов международных отношений, сотрудничество в рамках «вакциновой дипломатии» вышло на новый уровень своего развития, что отражается в его

закреплении во многих международно-правовых актах, включая «Декларацию тысячелетия ООН», где указываются необходимые меры по предотвращению распространения многих инфекционных заболеваний, угрожающих всему человечеству [3, с. 202]. После этого вакцины стали интегрироваться в качестве ключевых инструментов оказания помощи развивающимся странам. Создание Альянса ГАВИ позволило государствам получить глобальный доступ ко многим жизненно необходимым вакцинам. Отчасти благодаря этим международным усилиям детская смертность была снижена почти вдвое [36, с. 1].

Активная работа в рамках ООН дала толчок продолжению сотрудничества на многосторонней основе. Современных примеров успешной кооперации в этой сфере несметное количество. Так, в 2009 году было проведено Межправительственное совещание по обеспечению готовности к пандемии гриппа, нацеленное на обмен вакцинами с развивающимися странами, укрепление механизмов предотвращения пандемий и обеспечение готовности к принятию мер своевременного реагирования [35, с. 4]. Такие шаги были сделаны из-за растущих проблем с доступом к препаратам в развивающихся странах, где стремительно распространялся свиной грипп. Усугубляло ситуацию то, что со стороны правительств стран «первого мира» раздавались призывы накапливать вакцину в качестве гуманитарного и дипломатического ресурса. Тем не менее, благодаря активной деятельности ВОЗ, развитые государства, осознав необходимость глобального сотрудничества в рамках «дипломатии вакцин», в конечном итоге согласились поделиться частью произведенных препаратов с нуждающимися партнерами.

В 2011 году, после начала Десятилетия сотрудничества в области вакцин, был одобрен Глобальный план действий как основа для предотвращения миллионов смертей к 2020 году за счет более справедливого доступа к жизненно важным препаратам. В дополнение была принята резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения, признающая доступ к вакцинам в качестве фундаментального права на здоровье человека [24, с. 2741].

Благодаря таким мероприятиям в современный период в направлении реализации политики «мягкой силы» в области здравоохранения активно работают многие государства. Ярким примером «вакцинной дипломатии», реализуемой различными государствами на Африканском континенте, можно считать вакцинацию против Эболы. Китай, Россия, Куба, США, многие страны Европейского союза активно работали в этом направлении начиная с 2014 года. Стремясь распространить свое влияние на континенте «мягким» способом, многие участники МО безвозмездно отправляли в Африку медикаменты и персонал, финансировали разработку и поставки вакцин против Эболы [40, с. 383]. На данный момент полностью уничтожить этот смертельный вирус не удалось, в связи с чем, государствам необходимо активизировать свои усилия в реализации «вакцинной дипломатии» на этом направлении. Также движущим фактором современной кооперации выступает острая необходимость дипломатического сотрудничества в борьбе с эпидемиями, вызванными ВИЧ/СПИД, которая пришла с пониманием того, что такие заболевания представляют угрозу экономическому развитию, национальной безопасности, внешнеполитическим интересам всех государств мира.

Последнее десятилетие было периодом прогресса для многих международных организаций. Мир увидел все преимущества и влияние «вакцинной дипломатии» на общественное здравоохранение: были вакцинированы миллионы людей по всему миру, а также созданы новые жизненно необходимые препараты, например, против пневмококковых заболеваний и ротавирусной инфекции. Перспективными направлениями деятельности в данном ключе служит разработка и внедрение вакцин против туберкулеза, малярии, лейшманиоза. Такое сотрудничество будет неотъемлемой частью расширения важности «вакцинной дипломатии» во всемирном масштабе. Уже сейчас в рамках этих целей реализуется множество двусторонних и многосторонних проектов, что получило особую актуальность в связи с распространением новой коронавирусной инфекции по всему миру и

необходимостью повысить готовность к реагированию на подобные вызовы в будущем.

Тем не менее, существуют определенные опасения при активизации глобального сотрудничества в области «дипломатии вакцин», которые включают потенциальные биотеррористические угрозы и обстоятельства, требующие международной кооперации, например, в ситуациях, вызванных кампаниями по борьбе с вакцинацией в Афганистане, где талибы отвергали помощь из-за угрозы шпионажа со стороны вторгающихся стран [24, с. 2743]. Положение осложняется и возможным подрывом международных инициатив и программ в данной области. Так, в 2006 году Министерство здравоохранения Индонезии вышло из сети ВОЗ по обмену информацией на фоне эпидемии птичьего гриппа. Это осложнило ситуацию внутри страны и нанесло удар по ВОЗ и созданной ею глобальной сети сотрудничества [32, с. 88]. Еще одним примером угрожающего противодействия глобальным инициативам является бойкот вакцин против полиомиелита в Нигерии. Местные органы власти инициировали данный шаг из-за полученной информации о том, что вакцинация являлась западным заговором против мусульман. Бойкот был разрешен только благодаря дипломатическим вмешательствам Глобальной инициативы по ликвидации полиомиелита (ГИЛП), Организации исламского сотрудничества и ООН. Аналогичные усилия со стороны мирового сообщества в настоящее время требуются в Пакистане, где талибы и другие экстремистские группировки убивают медицинских работников, что ограничивает возможности для глобального сотрудничества в сфере здравоохранения [35, с. 4]. Все это в определенной степени подрывает успехи «вакцинной дипломатии», включающие деятельность как отдельных государств по продвижению «мягкой силы» и укреплению двустороннего сотрудничества, так и многосторонние усилия в рамках международных организаций для обеспечения равноправного доступа к вакцинам.

Серьезными препятствиями на пути к успешной реализации глобальной «вакцинной дипломатии», помимо всего прочего, являются последствия

продолжающихся войн и политической нестабильности. Так, повторное появление кори в некоторых частях Ближнего Востока и Центральной Азии было связано с продолжающимися вооруженными конфликтами. Чаще всего в нестабильных регионах гуманитарные пункты разграблялись, а жизни медицинских работников были подвергнуты опасности. Аналогичным образом, политическая нестабильность и смена правящей партии стала серьезным препятствием для продвижения усилий по вакцинации против Эболы в Демократической Республике Конго [24, с. 2742]. Такая ситуация в стране привела к росту заболеваемости, что угрожает безопасности и стабильности всего региона. В таких случаях международные усилия по предоставлению препаратов и организации вакцинации особенно необходимы.

Приведенные выше примеры показывают, что такие усилия в области «вакцинной дипломатии», в том числе во время кризисов в области общественного здравоохранения, имеют широкомасштабные политические последствия и, следовательно, могут влиять на дипломатию.

Таким образом, рассматривая исторический аспект использования вакцинной дипломатии как инструмента «мягкой силы», мы видим, что государства, реализуя политику помощи в медицинской сфере, стимулируют сотрудничество и укрепление дружественных связей, способствуют прекращению военных действий, а также в значительной степени повышают свой авторитет на международной арене. Благодаря такой координации и сотрудничеству глобальных партнеров, появляется реальная возможность оперативно реагировать на распространение вновь возникающих болезней и укрепить глобальную систему здравоохранения для обеспечения справедливого доступа к вакцинам во всемирном масштабе.

2.2. Применение «вакцинной дипломатии» в рамках международных отношений в период пандемии COVID-19

В связи с ростом влияния такого инструмента «мягкой силы» как «вакцинная дипломатия» на развитие МО, важно проанализировать современные проявления такой политики основными заинтересованными игроками в лице США, России, Индии и Китая в период распространения COVID-19. В рамках этого положения стоит рассмотреть особенности реализации данных стратегий, а также результаты и последствия применения соответствующих методов во внешней политике этих государств.

Китайская Народная Республика по праву считается лидером в области «вакцинной дипломатии», так как Пекин уже многие годы активно использует этот инструмент «мягкой силы» в целях реализации своих национальных интересов. Кроме того, Китай обладает большим опытом в борьбе с пандемиями, что предопределило высокую эффективность национальной системы здравоохранения и уровня научно-технического развития страны для реагирования на подобные вызовы. Так, за прошедшее столетие произошло пять пандемий гриппа, три из которых зародились в Китае, а также серьезная вспышка атипичной пневмонии – эпидемии схожего характера с коронавирусной инфекцией 2019 года [48]. Благодаря этому в стране была создана обширная сеть учреждений общественного здравоохранения, проводились научные исследования в области медицины, что создало высокий потенциал в борьбе с подобными вспышками.

Стоит отметить, что в период распространения COVID-19 китайские лидеры продвигают идею превращения своих вакцин в «глобальное общественное благо» для обеспечения равного доступа к препаратам, прежде всего, в развивающихся странах. Достижения Китая в этой области объясняются скоростью, с которой она начала «дипломатию вакцин», широким географическим распределением помощи, охватывающих более 50 стран по всему миру и ее способностью быстро предлагать поставки [23]. Кроме того, китайские препараты не требуют низких температур для хранения и транспортировки, что дает им преимущество в развивающихся странах с жарким климатом, т. к. значительно упрощает логистику.

«Вакцинная дипломатия» Китая включает как экспорт препаратов на безвозмездной основе, так и на приемлемых коммерческих условиях. Помимо медицинской помощи в виде отправки средств индивидуальной защиты, аппаратов ИВЛ, медицинского персонала, предоставления вакцин, Китай выдает гранты и займы для борьбы с пандемией многочисленным странам, пострадавшим от пандемии [27, с. 31]. Активно Пекин продвигает сотрудничество и на многосторонней основе, например, в рамках COVAX, в целях обеспечения равного доступа к вакцинам против COVID-19 для всех стран мира.

Задачей Поднебесной является желание сменить репутацию Китая как страны, где зародилась пандемия, на роль «спасителя человечества» и мирового лидера в области здравоохранения. Многие эксперты также высказывают позицию о намерениях КНР усилить международное влияние и укрепить двусторонние отношения с некоторыми развивающимися странами, где влияние Запада постепенно снижается [4].

Основными инструментами вакцинной дипломатии Пекина стали препараты от фармкомпаний Sinopharm, SinoVac и CanSino, активно экспортирующиеся во многие страны Африки, Азии, Южной Америки и Европы.

Так, Юго-Восточная Азия является ключевым регионом, в направлении которого реализуется китайская «мягкая сила». Большинство стран региона либо приобрели, либо получили в дар препараты китайского производства. Сотрудничество реализуется, в том числе в рамках инициативы «Новый шелковый путь» в рамках которого со стороны Китая предлагается льготный доступ к вакцинам [59, с. 8]. Благодаря этому, КНР стала основным поставщиком в Лаос, Камбоджу, Малайзию, Индонезию и на Филиппины. Также крупным заказчиком китайского препарата неожиданно стал Таиланд, имеющий тесные политические и экономические связи с Вашингтоном.

Другим важным направлением реализации Китаем «мягкой силы» при помощи «дипломатии здравоохранения» является Африка. Страны этого

континента смогли одними из первых получить доступ к китайским вакцинам, причем в качестве пожертвования. Кроме того, за все время пандемии КНР не раз направляла в помощь средства индивидуальной защиты, тесты на антиген COVID-19, медицинский персонал для борьбы с пандемией. Китай не забывает и об экономической помощи, в которой остро нуждаются страны «третьего мира»: выделяются кредиты и займы под низкие проценты, что также укрепляет его международные связи с африканскими странами. Таким образом, можно сказать, что Пекин в своей внешнеполитической стратегии опирается на концепцию «smart power», сочетающую «мягкую силу» в виде «дипломатии здравоохранения» и «жесткую силу» в форме экономической помощи. Основными странами-получателями китайской поддержки являются такие африканские страны, как Зимбабве, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Ботсвана, Танзания, Демократическая Республика Конго, считающиеся главными союзниками КНР на континенте [42]. Очевидно, что Китай видит в Африке как динамично растущий рынок сбыта, так и плацдарм для расширения своего геополитического влияния и укрепления двусторонних отношений, что дает государству дополнительные возможности для углубления сотрудничества со странами континента.

В регионах Латинской Америки и Карибского бассейна – традиционных сферах влияния США – Китай также активно использует новые рычаги влияния в виде вакцин. Активно сотрудничали с Пекином на этом поприще Аргентина, Чили, Мексика, Бразилия, Аргентина, Перу [4].

Особое внимание в рамках «вакцинной дипломатии» было уделено и странам Персидского залива, являющимся активными экспортерами энергетических ресурсов в КНР. В Саудовской Аравии, Ираке, Иране, ОАЭ китайская вакцина встретила большое удовлетворение [29].

Однако такая «мягкая сила» Китая работает далеко не везде. Например, большинство государств Центральной Азии – региона, крайне важного для «Нового шелкового пути» – предпочли сотрудничать с Россией по этому направлению. В Европе перспективы продвижения китайских вакцин также все

еще туманны, несмотря на некоторые успехи в Сербии, Венгрии, Черногории и Северной Македонии [40, с. 391-392].

Стоит также отметить, что Китай во многих случаях использует «вакцинную дипломатию» как инструмент «жесткой силы», применяя ее в качестве рычага давления на страны в своих собственных интересах.

Например, исследователи МО настаивают на том, что Китай связывает продажи вакцин со своей политикой в отношении Тайваня. Так, серьезное давление было оказано на Гондурас в целях отказа признания этим государством автономии Тайваня и разрыва связей с ним в обмен на китайские вакцины [56]. Правительство Парагвая также столкнулось с принуждением посредством возможного отказа в поставках в случае сохранения дипломатических отношений с Тайванем [4]. Таким образом, КНР использует вакцину как средство оказания давления по вопросам, имеющим большое значение для Пекина.

Схожая стратегия была применена китайскими властями и с целью отстаивания интересов компании «Huawei» на международной арене. Так, в связи с острой необходимостью вакцинировать население на фоне роста заболеваемости COVID-19, Правительство Бразилии было вынуждено изменить курс на запрет технологий китайской компании. Для получения доступа к препаратам, агентство связи Бразилии пошло на уступки и допустило «Huawei» к участию в создании в стране сети 5G, коренным образом изменив политику государства следования примеру США в данном вопросе [4].

Некоторые источники публикуют информацию и об оказании давления на Украину с помощью блокировки поставок вакцин в эту страну. Целью такой политики было прекращение критики Киева ситуации с нарушением прав уйгуров в Синьцзяне [23]. Алжир столкнулся со схожей проблемой отказа в поставках на фоне критики действий китайских властей в Гонконге [38, с. 3].

Несмотря на то, что МИД КНР заявляет, что предоставление другим государствам препаратов против COVID-19 не ставит целью оказание

политического влияния, политологи продолжают исследовать вопрос о роли этого инструмента в рамках современной внешней политики Китая.

Таким образом, КНР успешно использует «вакцинную дипломатию» благодаря способности быстро и эффективно предоставить вакцины нуждающимся странам. Цели такой политики заключаются в расширении геополитического влияния, укреплении дипломатических связей с развивающимися странами, распространении своих ценностей за рубежом. Кроме того, «вакцинная дипломатия» Пекина способствует обеспечению равного доступа к вакцинам для всех стран мира, что особенно актуально на фоне растущего «вакцинного национализма» со стороны западных государств. Тем не менее, Китай также использует «вакцинную дипломатию» в качестве рычагов давления в переговорах для реализации своих внешнеполитических целей, что воспринимается многими акторами как применение им «жесткой силы» и, таким образом, ограничивает стратегическое доверие, которое Пекин способен укрепить в мире.

Индия также считается активным игроком в области «вакцинной дипломатии» в силу ее значительного потенциала в производстве жизненно необходимых препаратов. Такая политика, прежде всего, реализуется в рамках концепции «Vaccine Maitri» («Вакцинной дружбы»), благодаря которой Нью-Дели направил сотни тысяч доз своего препарата Covishield, произведенных по лицензии Оксфордского университета и компании AstraZeneca, приблизительно в 60 стран по всему миру. Еще одним инструментом реализации «вакцинной дипломатии» Индии является препарат Covaxin, разработанный компанией Bharat Biotech в сотрудничестве с Индийским советом медицинских исследований, эффективность которого была подтверждена как внутри страны, так и за рубежом.

Этим Республика Индия не только укрепила репутацию поставщика доступных вакцин, но и вступила в гонку за дипломатическое влияние с Китаем. Так, первая партия бесплатных вакцин под лозунгом «Дар народа и правительства Индии» направилась в небольшое государство Бутан,

находящееся в конфликте с КНР по поводу спорных территорий. Индия также предоставляет производимые в стране вакцины другим соседям по региону: Бангладешу, Мьянме, Шри-Ланке, Камбодже, Афганистану, бросая вызов усилиям Китая по региональному доминированию [39]. Сейчас государство нацелено и на расширение своего влияния за пределами Индо-Тихоокеанского региона, в частности, в направлении Южной Америки, Африки и Ближнего Востока.

Наибольший интерес представляет ситуация с поставками вакцины в такие страны региона, как Мальдивы, Непал и Бутан. Несмотря на то, что в последние годы многие политологи заявляли о потере Индией своего влияния в этих государствах в силу укрепления роли Китая в регионе, успешная «вакцинная дипломатия» Нью-Дели способствовала налаживанию двусторонних отношений с этими странами.

Таким образом, «вакцинное противостояние» в Южной Азии, начинавшееся с явным преимуществом КНР, столкнулось с противодействием Индии, продвигающей свои препараты в странах региона в соответствии с политикой «Соседство прежде всего». Благодаря своим ресурсам в данном секторе, Нью-Дели имеет возможность не только укрепить свои связи со странами-партнерами и обеспечить справедливый доступ к вакцинам, но и бросить вызов экономическому и геополитическому доминированию Китая в регионе [49].

В данном контексте важно проанализировать и опыт США – страны-партнера Индии по QUAD в области «вакцинной дипломатии», который значительно отличается от достижений Нью-Дели в этом направлении.

Стоит отметить, что с начала распространения коронавирусной инфекции в мире, американские власти придерживались политики «вакцинного национализма». Это значит, что Вашингтон, наряду с его европейскими союзниками по НАТО, заявил о готовности развернуть программы международной помощи только после преодоления кризиса внутри страны. Несмотря на то, что США произвели почти четверть всего мирового запаса

вакцин от COVID-19, из этого объёма лишь малая часть попала за границы государства.

Тем не менее, после прихода к власти Джо Байдена, США присоединились к программе COVAX под эгидой ВОЗ, направленной на обеспечение равного доступа к вакцинам. Кроме того, Вашингтон поставил цель наверстать упущенное в рамках «вакцинной дипломатии» и пожертвовал свои вакцины от таких фармкомпаний, как Pfizer, Johnson & Johnson и Moderna, чьи препараты считаются в мире наиболее эффективными в защите от коронавируса. Основными странами-импортерами являются государства Латинской Америки и Карибского бассейна: Аргентина, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Сальвадор, Мексика, Панама, Перу и т.д. Данная инициатива, очевидно, имеет цель восстановить влияние Соединенных Штатов в регионе, имеющем сейчас серьезные связи с Китаем [56].

Вашингтон также стремится укрепить свои позиции и в других регионах мира, работая в этом направлении в рамках QUAD. Так, лидеры четверки договорились профинансировать производство и распределение вакцин в Юго-Восточной Азии и Океании [51].

С активизацией использования «вакцинной дипломатии» как инструмента «мягкой силы», Соединенные Штаты посылают четкий сигнал своим конкурентам. Очевидно, что США намерены восстановить свое влияние в мире и укрепить авторитет в «отколовшихся» регионах. Администрация Вашингтона осознала, что их ранняя националистическая политика в отношении экспорта вакцин была ошибкой. Теперь цель Вашингтона – продвинуть свою «вакцинную дипломатию» и «завоевать сердца» соседних регионов.

В заключение хотелось бы рассмотреть основные направления «вакцинной дипломатии» Российской Федерации, являющейся достаточно сильным игроком в «гонке вакцин». Так, отечественная вакцина «Спутник V» зарегистрирована уже более чем в 50 странах мира, причем количество таких государств с каждым днем увеличивается [10]. Российские официальные лица и государственные СМИ позиционируют отечественный препарат с «говорящим»

названием не только в качестве символа технологических достижений страны, но и как инструмент российской «мягкой силы».

Деятельность России в области здравоохранения происходит в рамках наращивания международного сотрудничества, которое заключается в увеличении экспорта вакцин, как на коммерческой, так и на безвозмездной основе. Помимо предоставления медицинских препаратов, средств индивидуальной защиты, медицинского персонала, Россия во многих регионах оказывает экономическую поддержку для преодоления негативных последствий пандемии COVID-19 [23]. Эти шаги позволяют Москве укрепить свое международное положение и установить дипломатические связи с различными государствами мира.

Так, стоит отметить, что поставки осуществлялись как в страны, традиционно поддерживающие дружеские отношения с Москвой, так и государства, исторически находившиеся в орбите влияния США. Кроме того, география распространения российской «мягкой силы» также достаточно широкая: сотрудничество происходило со странами Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и даже Европы.

На территории некоторых государств Центральной Азии запущено локальное производство российской вакцины, что значительно снижает ее стоимость и транспортные издержки. Это также позволяет постсоветским государствам развить свои собственные технологии производства, что может быть чрезвычайно важно для развития там локальных систем здравоохранения. Таким образом, Россия явно пытается противостоять китайскому влиянию в регионе и восстановить утраченные с советских времен связи с союзническими государствами [9, с. 534].

По объемам заказов из стран Африки отечественная вакцина опередила многие западные препараты благодаря выгодной стоимости, условиям хранения и транспортировки. Стремительное распространение «Спутник V» на рынках Латинской Америки может также иметь серьезные последствия для региона – традиционной сферы влияния США.

Тем не менее, из-за отсутствия международного признания отечественная вакцина сталкивается со значительными препятствиями в рамках перспектив распространения во многих европейских странах. Однако на фоне дефицита поставок западных препаратов многие страны Европы все же согласились сотрудничать с Россией в этом направлении. Партнерами РФ в рамках ее «вакцинной дипломатии» стали Венгрия, Словакия, Сербия и Черногория. Также прошли переговоры о возможном производстве вакцины с Францией, Италией, Германией, Хорватией [41].

Тем не менее, сотрудничество затормозилось на фоне обострения ситуации на Украине. Так, введение глобальных санкций против РФ значительно препятствует усилиям Москвы по продвижению вакцин против COVID-19 на международном уровне [54].

Таким образом, успех российской «вакцинной дипломатии» будет зависеть как от скорости производства и эффективности препарата, так и от ее международного признания и снятия санкций. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что такая «дипломатия вакцин» позволила стране повысить свой международный статус во многих регионах мира, расширить влияние на основные международные процессы в качестве лидера в области здравоохранения, а также укрепить дипломатические связи с государствами-получателями. Кроме того, благодаря активным усилиям РФ на этом направлении, удалось спасти тысячи жизней по всему миру и обеспечить равный доступ к вакцинам от коронавируса для развивающихся стран.

Стоит отметить, что наряду с вышеперечисленными акторами, в области «вакцинной дипломатии» активно действуют и другие ведущие государства с целью реализации своих национальных интересов, привлечения новых партнеров к сотрудничеству и продвижения своих ценностей в рамках концепции «мягкой силы». Свидетельством тому является тот факт, что глобальные расходы на вакцины против COVID-19 растут с каждым годом, и, ожидаемо, к 2025 г. достигнут отметки в 157 миллиардов долларов за счет осуществляемых массовых программ вакцинации и «ревакцинации» во всем

мире [22, с. 2]. Стоит отметить, что такие существенные затраты на разработку и производство препаратов могут позволить себе лишь самые развитые государства и крупнейшие ТНК, ведь издержки в основном покрываются либо за счет средств частных фармацевтических компаний (как это происходит в США), либо за счет госбюджета и средств государственных компаний той или иной страны (случай России). При этом все крупнейшие игроки в области «вакцинной дипломатии» обладают эффективной национальной системой здравоохранения и высоким уровнем научно-технического развития страны, что необходимо для оперативного реагирования на подобные вызовы современности и продвижения необходимых препаратов в мировом масштабе.

Хочется заключить, что в период пандемии COVID-19 именно «вакцинная дипломатия» стала основным механизмом сотрудничества государств для совместной борьбы с пандемией коронавируса и его последствиями, а также для обеспечения равного доступа к вакцинам в глобальном масштабе. Кроме того, уже на данном этапе, очевидно, что этот инструмент «мягкой силы» позволяет государствам добиваться многих внешнеполитических целей: от расширения дипломатического сотрудничества до утверждения своей ведущей роли в мире. Тем не менее, по мнению ведущих эпидемиологов, COVID-19 вряд ли станет последней пандемией [21]. Ожидается, что число вспышек подобных инфекционных заболеваний будет только расти, а значит – будет возрастать роль «вакцинной дипломатии» в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам выполнения задач, поставленных мною при изучении темы данной работы, можно сделать следующие выводы.

Пандемия COVID-19 привела к возрождению актуальности использования такого инструмента «мягкой силы», как «вакцинная дипломатия». В нынешних реалиях этот фактор наряду с другими средствами опосредованного влияния позволяет акторам ненасильственно реализовывать многие внешнеполитические цели государства на международной арене.

В ходе изучения сущности концепции «мягкой силы», можно прийти к выводу о том, что данное средство реализации внешней политики государства используется на данном этапе развития МО в разы чаще, чем раньше в связи с глобальными изменениями, происходящими в мире. Это связано с тем, что «soft power» включает чрезвычайно широкий круг механизмов и внешнеполитических акций ненасильственного характера, позволяющих привлечь оппонентов на свою сторону, формируя благожелательное международное окружение для субъекта воздействия. При изучении данной темы, мы также можем отметить, что существует ряд особенностей «мягкой силы», которые стоит учитывать при встраивании данной концепции во внешнеполитическую стратегию государства: это и трудно определяемое влияние соответствующих инструментов, ориентация на долгосрочную перспективу, существование определенных «цивилизационных барьеров» на пути к положительному результату и др.

Проанализировав основные компоненты «мягкой силы», можно прийти к выводу о том, что соответствующие источники представляют собой нематериальные факторы, которые включают достижения или эффективную политику государства в различных сферах: от культуры, спорта, медицины до внутренней и внешней политики, позволяющие привлечь оппонентов на свою сторону. Инструментами же служат средства воздействия в мировой политике, которые используются акторами для распространения своего позитивного

образа и включают чрезвычайно широкий круг внешнеполитических акций ненасильственного характера, позволяющих сформировать благожелательное международное окружение для субъекта воздействия.

Рассматривая содержание такого инструмента «мягкой силы», как «вакцинная дипломатия», можно прийти к выводу о том, что данный комплекс дипломатических мер по активизации сотрудничества между странами в медицинской сфере оказывает не прямое, а косвенное воздействие на политику других государств на международной арене в выгодном для инициатора русле. При изучении данной темы, мы также можем отметить, что существует ряд характерных черт «дипломатии вакцин» на современном этапе ее развития. Так, актуализация данного феномена связана с тяжелыми последствиями нынешней пандемии, неравномерным производством и распределением вакцин между странами, ростом конкуренции за глобальное влияние в меняющемся мире. Кроме того, в современных реалиях такое сотрудничество объединяет различных международных акторов, взаимодействующих как на двусторонней, так и многосторонней основе в рамках различных международных площадок для борьбы с пандемией COVID-19.

При изучении данной темы, мы также можем отметить, что существуют определенные тенденции развития «вакцинной дипломатии», заключающиеся как в активизации сотрудничества между различными государствами в сфере медицины для решения этой глобальной проблемы, так и в росте международного соперничества, конкуренции и «вакцинного национализма». Все это в значительной степени влияет на развитие двусторонних и многосторонних связей между государствами, на обеспечение безопасности и стабильности во многих регионах мира, а также на увеличение количества новых рычагов влияния в рамках глобальной мировой системы.

Рассматривая исторический аспект реализации «вакцинной дипломатии» и ее роль во внешней политике государств мира, можно сказать, что данный инструмент «мягкой силы» используется акторами уже более 200 лет для установления дружественных связей, повышения авторитета на международной

арене, получения доступа к новым рынкам сбыта или ресурсам, обеспечения безопасности на многих континентах мира. Такое многолетнее сотрудничество глобальных партнеров на двусторонней и многосторонней основе позволило создать современную международную основу для справедливого распределения вакцин, укрепления глобальной системы здравоохранения, расширения научного сотрудничества для реакции на последующие вызовы.

В ходе изучения опыта применения государствами рассматриваемого инструмента «мягкой силы» в рамках МО в период пандемии COVID-19, можно сделать вывод о том, что именно «вакцинная дипломатия» стала основным механизмом международного сотрудничества для борьбы с пандемией коронавируса и его последствиями. Кроме того, на примере ведущих государств мира, можно увидеть, что реализуемая ими «дипломатия вакцин» позволяет добиваться многих внешнеполитических целей, включающих укрепление двусторонних и многосторонних дипломатических связей, расширение геополитического влияния, распространение своих ценностей за рубежом, обеспечение безопасности государства и т.д.

Тем не менее, ожидается, что число вспышек подобных инфекционных заболеваний будет только расти, что предопределяет тенденции к возрастанию роли «вакцинной дипломатии» в мире и расширению активности применения соответствующих инструментов «мягкой силы» ведущими мировыми державами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Братерский, М. В. Концепция «Мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 130–143.
2. Вакцинная дипломатия – новый формат международных отношений // РСМД : [сайт]. – 2021. – 5 апр. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/lea/vaktsinnaya-diplomatiya-novyy-format-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 23.05.2022).
3. Васильева, Е. Н. Современная система международных отношений в период пандемии: тенденции и трансформации / Е. Н. Васильева, Н. А. Цынарёва // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 1 (68). – С. 199–204.
4. Гриценко, М. «Вакцинная дипломатия»: роль экспорта вакцины от COVID-19 во внешней политике КНР / М. Гриценко // РСМД : [сайт]. – 2021. – 2 авг. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/vaktsinnaya-diplomatiya-rol-eksporta-vaktsiny-ot-em-covid-19-em-vo-vneshney-politike-knr/> (дата обращения: 23.05.2022).
5. Красина, О. В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики : [монография] / О. В. Красина ; Соврем. гуманитар. акад. – Москва : Издательство Современного гуманитарного университета, 2011. – С. 36–43.
6. Куприн, Д. С. Элементы мягкой и жёсткой силы в системе формирования имиджа государства / Д. С. Куприн, Е. А. Тулюлюк // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 61–72.
7. Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О. Г. Леонова // Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 27–40.
8. Мазин, П. В. Здравоохранение как структурный фактор суверенитета и «мягкой силы» / П. В. Мазин // Проблема суверенности

современной России : материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии. – Москва, 2014. – С. 345–350.

9. Маслова, К. В. «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»? / К. В. Маслова // Постсоветские исследования. – 2021. – № 6. – С. 531–536.

10. Мураталиева, Н. Дипломатия вакцин в Центральной Азии: геополитика, бизнес и мягкая сила / Н. Мураталиева // CABAR (Central Asian Bureau for Analytical Reporting) : [сайт]. – 2021. – 11 мар. – URL: <https://cabar.asia/ru/diplomatiya-vaktsin-v-tsentralnoj-azii-geopolitika-biznes-i-myagkaya-sila> (дата обращения: 23.05.2022).

11. Паршин, П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / П. Б. Паршин // Аналитические доклады. Центр глобальных проблем МГИМО. – 2013. – № 1 (36). – 38 с.

12. Понкин, И. В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства / И. В. Понкин // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111.

13. Райнхардт, Р. Вакцинная дипломатия – ожидание vs реальность / Р. Райнхардт // Валдай : [сайт]. – 2021. – 30 нояб. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vaktsinnaya-diplomatiya-ozhidaniya-vs-realnost/> (дата обращения: 23.05.2022).

14. Русакова, О. Ф. Мягкая сила стран Азии / О. Ф. Русакова // Дискурс Пи. – 2013. – № 11. – С. 31–36.

15. Тилов, Т. К. Внешняя политика XXI века: СМИ как инструмент мягкой силы / Т. К. Тилов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 9. – С. 399–401.

16. Филимонов, Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации / Г. Ю. Филимонов // Геополитический журнал. – 2013. – № 1. – С. 24–36.

17. Харитонов, Е. М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки / Е. М. Харитонов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 6. – С. 48–58.
18. Чихарев, И. А. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России / И. А. Чихарев, О. В. Столетов // *Геополитический журнал*. – 2014. – № 4. – С. 55–71.
19. Энджелл, Н. Великое заблуждение: Этюд о взаимоотношениях военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу / Норман Энджелл ; пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2008. – 353 с.
20. Abduazimov, M. Inside Diplomacy during the Pandemic: Change in the Means and Ways of Practice / Muzaffar Abduazimov // *Indonesian Quarterly*. – 2021. – Vol. 49. – No. 1. – P. 50–66.
21. Adam, D. Will Omicron end the pandemic? / David Adam // *Nature*. – 2022. – № 602. – P. 20–21.
22. Aitken, M. Global Medicine Spending and Usage Trends: Outlook to 2025 / Murray Aitken, Michael Kleinrock, Elyse Munoz // IQVIA (Institute for Human Data Science). – 2021. – 50 p.
23. Aspinall, E. The Rise of Vaccine Diplomacy / Evie Aspinall // BFPG (British Foreign Policy Group). – 2021. – Jul. 23.
24. Bhattacharya, S. Role of vaccine science diplomacy in low-middle-income countries for eradicating the vaccine-preventable diseases / Sudip Bhattacharya, Sheikh Mohd Saleem, Deep Shikha [et al.] // *Journal of Family Medicine and Primary Care*. – 2021. – Vol. 10. – Issue 8. – P. 2739–2744.
25. Bourne, P. G. Partnership for international health care / P. G. Bourne // *Public Health Reports*. – 1978. – Vol. 93. – No. 2. – P. 114–123.
26. Byrne, C. Vaccine diplomacy – tensions and contestation in Southeast Asia / Caitlin Byrne // *The La Trobe Asia Brief*. – 2021. – Issue 5. – P. 6–7.
27. Cao, J. Towards a Health Silk Road. China’s Proposal for Global Health Cooperation / Jiahan Cao // *China Quarterly for International Strategic Studies*. – 2020. – Vol. 6. – No. 1. – P. 19–35.

28. Cenusa, D. China, Russia and Covid-19: Vaccine Diplomacy at Different Capacity / Denis Cenusa // ISPI (Italian Institute for International Political Studies). – 2021. – Jul. 7.
29. Çetiner Çetin Aşı savaşları / Çetiner Çetin // Habertürk. – 2021. – Jan. 14.
30. Ciro A de Quadros Health as a bridge for peace: PAHO's experience / Ciro A de Quadros, Daniel Epstein // The Lancet. – 2002. – Vol. 360. – Special Issue 1. – P. 25–26.
31. Crowcroft, O. Sputnik V: Has Russia won the battle in global vaccine diplomacy? / O. Crowcroft // Euronews : [сайт]. – 2021. – 17 мар. – URL: <https://www.euronews.com/2021/03/17/sputnik-v-has-russia-won-the-battle-in-global-vaccine-diplomacy> (дата обращения: 23.05.2022).
32. Fidler, D. P. Influenza Virus Samples, International Law, and Global Health Diplomacy / David P. Fidler // Emerging Infectious Diseases. – 2008. – Vol. 14. – No. 1. – P. 88–94.
33. Gallarotti, G. M. Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions for its effective use / Giulio M. Gallarotti // Journal of Political Power. – 2011. – Vol. 4. – Issue 1. – 51 p.
34. Graaf, B. D. Taming Pandemics in International Relations. Why Do States Cooperate in Transboundary Crises? / Beatrice de Graaf // Journal of Applied History. – 2020. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 36–61.
35. Hotez, Peter J. «Vaccine Diplomacy»: Historical Perspectives and Future Directions / Peter J. Hotez // PLOS Neglected Tropical Diseases. – 2014. – Vol. 8. – Issue 6. – 7 p.
36. Hotez, Peter J. Pediatric Tropical Diseases and the World's Children Living in Extreme Poverty / Peter J. Hotez // JARK (Journal of Applied Research on Children). – 2013. – Vol. 4. – Issue 2. – 12 p.
37. Hotez, Peter J. Preventing the Next Pandemic: Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science / Peter J. Hotez. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021. – 198 p.

38. Iancu, A. The Shot Heard around the World: The Strategic Imperative of U.S. Covid-19 Vaccine Diplomacy / Andrei Iancu, Gary Lock, David J. Kappos // CSIS (Center for Strategic and International Studies). – 2021. – Nov. 17. – 8 p.
39. Jennings, M. Vaccine diplomacy: how some countries are using COVID to enhance their soft power / Michael Jennings // The Conversation. – 2021. – Feb. 22.
40. Lee, S. T. Vaccine diplomacy: nation branding and China's COVID-19 soft power play / Seow Ting Lee // Place Branding and Public Diplomacy. – 2021. – Vol. 17. – Issue 4. – P. 382–396.
41. Leigh, M. Vaccine diplomacy: soft power lessons from China and Russia? / Michael Leigh // Bruegel. – 2021. – Apr. 27.
42. Ni, V. «More cautious» China shifts Africa approach from debt to vaccine diplomacy / Vincent Ni, Helen Davidson // The Guardian. – 2021. – Dec. 8.
43. Nye J. The War on Soft Power / Joseph S. Nye, Jr // Foreign Policy. – 2011. – Apr. 12.
44. Nye, J. Soft power / Joseph S. Nye, Jr. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.
45. Nye, J. The future of power / Joseph S. Nye, Jr. – N.Y.: Public Affairs, 2011. – 320 p.
46. Nye, J. The Means to success in World politics / Joseph S. Nye, Jr. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
47. Nye, J. When Hard Power Undermines Soft Power / Joseph S. Nye, Jr // New Perspectives Quarterly. – 2004. – Vol. 21. – Issue 3. – P. 13–15.
48. Piret, J. Pandemics Throughout History / Jocelyne Piret, Guy Boivin // Frontiers in Microbiology. – 2021. – Vol. 11. – Art. 631736. – 16 p.
49. Sharun, K. India's role in COVID-19 vaccine diplomacy / Khan Sharun, Kuldeep Dhama // Journal of Travel Medicine. – 2021. – Vol. 28. – Issue 7. – 4 p.
50. Soft power: теория, ресурсы, дискурс : монография / П. И. Агашкова, Е. Г. Грибовод, Д. Д. Гуляр [и др.] ; под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

51. Stolberg, S. H. U.S. Takes Step To Use Vaccine For Diplomacy / Sheryl Gay Stolberg, Michael Crowley // *The New York Times*. – 2021. – Mar. 13. – Section A. – 1 p.
52. Stossinger, J. G. *The Might of Nations. World Politics in Our Time* / J. G. Stossinger. – New York: Random House, 1969. – 459 p.
53. Strange, S. *States and Markets* / Susan Strange. – London: Pinter Publishers, 1988. – 263 p.
54. Tinari, S. Covid-19: Ukraine conflict calls Russia's vaccine diplomacy into question / Serena Tinari // *The BMJ*. – 2022. – Vol. 376. – Issue 8330. – 426 p.
55. Vargha, D. *Polio Across the Iron Curtain: Hungary's Cold War with an Epidemic* / Dora Vargha. – U.K.: Cambridge University Press, 2018. – 254 p.
56. Voss, G. «Vaccine Diplomacy» in Latin America / Gavin Voss, Joey Zhou, Henry Shuldiner // *Wilson Center: Weekly Asado*. – 2021. – Oct. 1.
57. Vuving, A. L. *How soft power works* / Alexander L. Vuving // Paper presented at the panel «Soft Power and Smart Power», American Political Science Association annual meeting. – Toronto, 2009. – 20 p.
58. Whittaker, C. A disaster diplomacy perspective of acute public health events / Charlie Whittaker, Anna Frühauf, Samuel John Burthem [et al.] // *Disasters*. – 2018. – Vol. 42. – Issue 2. – P. 173–195.
59. Zaini, K. *China's Vaccine Diplomacy in Southeast Asia – A Mixed Record* / Khairulanwar Zaini // *ISEAS Perspective*. – 2021. – № 86. – 12 p.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

«25» май 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Вакцинная дипломатия как инструмент мягкой силы

Руководитель

 24.05.22
подпись, дата

доцент, к.и.н
должность, ученая степень

С.В. Мажинский

инициалы, фамилия

Выпускник

 24.05.2022
подпись, дата

Е.А. Петецкая

инициалы, фамилия

Красноярск 2022